

Один

За краем городка, подале крытых толем домов бедноты и за низкой горкой, голой, если не считать павших столбов электропередачи, располагалось учреждение, и распростерло оно трепетать свои хрупкие уединенные постройки по гравию и шлаку, устилавшим долину. Оттуда однажды ранней весной вышел с древесной конечностью в виде трости Баламир, с тенью вышел и шагом, что не был свободен, — дабы попасться на глаза и под руку Мадам Снеж. Всех слабоумных братьев Баламира сходным же манером выпустили скитаться вдали от гравийных дорожек, искать любого, кто оделит их жестяной тарелкою или желанной выпивкой. Мадам Снеж потеснилась ради него, применила его к работе — копать в полуподвале, в бункере, и черный воздух сомкнулся на кучах обломков, и ему захотелось домой. Немоощных братьев его постепенно поглотили в себя, целыми корпусами за раз, зияющие стены,

тайнственно ушли они в пустые улицы и отдаленные темные забитые досками мызы, неохотно забрали их с улиц. И все ж население не выросло, рыскали по вечерам те же немногие бурые фигуры, те же лохмотья стирки неделями висели на том же холодном воздухе, а Счетчик Населения раскорячился, худой и пьяный, синая фуражка набекрень, за письменным своим столом. Городок не вырос, но учреждение опустело, чиновники и нянечки отправились в дальние земли, глаза прищурены, лица осунулись, и из-за высоких узких зданий ни звука не стало слышно. Всякий день с горки худые дети взирали на порожнего скорпиона, который только и остался от упорядоченного учреждения.

В вышине над городком нависал одиночный шпиль зазубренной стали, лишенный знамен, не обнесенный стенами зданий, торча над ними всеми в холодном сином вечере. До самого верха по шпилью свисали криво обнаженные стальные перекладины, а поперек узкого открытого окна в погреб, где Баламир приостановился, и белая кожа его повлажнела в недвижном вечернем свете, вогнали стальные слябы. Кучи опавших кирпичей и штукатурки оказались спихнуты в канавы, словно сугробы снега, разбитые стены исчезали во тьме, а по пустым улицам тянулись ряды пустых тележек торговцев. Не было у Баламира защиты от холода. Он обнаружил, что ветер овеивает ему широкий лоб и пересохшее горло, горько залетает в раскрытый рот его грубого, задранного жесткого воротника. Обнаружил он в сырой замерзшей

полости погреба, что не умеет раскопать деревянную скамью, чудовищную завитую вазу, заплесневелое бюро и ни один из заледенелых горшков в неровно сваленных кучах, какие захламляли весь земляной пол и высились до самых стропил. Обнаружил он, что земляные обитые стены глушили его долгие вои по ночам, и звук поэтому оставался лишь в его же ушах. Пока работал, ковыряясь угольным совком, или сидел, вперившись в окно, над головою шаркали обернутые бумагой стопы, а в обитаемых кухнях городка мерцали свечи, над мерцавшими углями разогревали банки жидкого супа, ныли дети. Книжные лавки и аптеки разгромили, и страницы раскрытых книг бились взад и вперед на ветру, а из рассеявшихся боковин изукрашенных картонных коробочек тонким снежком по улицам разносило набитую туда дешевую пудру. Ноги попирали россыпь конфет из папье-маше. В отдаленных районах, компаниями по четверо и пятеро, братья Баламира гонялись по ухабистой и мерзлой земле за домашним скотом, злые и замерзшие, маша толстыми руками, или сбивались вокруг слабых костерков, хохоча и холодея. Малое число этих людей, пошвыряв тесаки или мимолетно взбеленившись во тьме с заржавленными ножами, бродили туда и сюда по камерам городской тюрьмы, колотя себя и невнятно проклиная. Остальные же, включая Баламира, не сознавали, что они — за пределами высоких стен учреждения. Население городка оставалось таким же, и ворье из тюрьмы отправилось домой, дабы сохранялось равновесие.

Мадам Снеж, владелица здания, жившая на уровне улицы над помещением в погребе, была б бабушкой, если б дитя ее сына не погубило, не больше птички, при взрыве всего в квартале отсюда. В недвижимом утреннем воздухе заиндевелившие поля вокруг городка потрескивали от нечастого громоуханья мелких взрывов, а те, что раздавались в самом городке, оставляли у нее в ушах краткий бесполезный свист. А вот дети сестры Мадам Снеж выжили, дабы ползать бесполо и испуганно по убогим комнатам. Раз за разом до того, как пришел Баламир, Мадам Снеж наблюдала, как с закипевших грузовиков слезают худые мужчины, — ждала возвращения сына. Когда он наконец прибыл со своей культей и стальными костылями, у которых запястья ему для дополнительной поддержки охватывали особые стальные кольца, даже одного убогого числа не добавил он к исчерканному списку пьяного Счетчика Населения. Вернулся к жене своей и комнатам на углу кинотеатра и с того времени работал в жаркой кинобудке с черной машиною, каждый день показывая одну и ту же смазанную картину отсутствию зрителей в зале. С тех пор Мадам Снеж его не видела. Она деловито дворничала, споря с квартирантами или утешая; или сидела в обширном золоченом кресле, сшивая воедино тряпье и нечасто отрывая головы у мелкой дичи. В коридорах больше не пахло жарящейся свиньей или варящейся капустой, уж не звенели они в полноте своей от тяжелого смеха, а оставались темны и холодны, исполосованы грязью от жильцовских сапог.

Здание криво и безмолвно клонилося в ряду черных испятнанных фасадов, а мимо задней ограды его опорожнялся проток; на углу, где боковая улочка встречалась с пустой дорогой, высилась мешанина стального шпиля. Когда мимо задернутых штор проходил мальчишка в черной военной фуражке, кожаных подтяжках и коротких штанишках, Мадам Снеж алчно выглядывала в щелочку, а затем вновь отступала во тьму. В третьем этаже дома располагалась квартира Счетчика Населения, который оставлял, отшвырнув, свою каплющую накидку в нижних сенях. В четвертом этаже проживал херр Штинц, одноглазый школьный учитель, а над ним со своими детьми и обесцвеченными растениями жила Ютта, сестра Мадам Снеж. Херр Штинц раньше состоял в оркестре и допоздна играл теперь на тубе, а ноты падали на брусчатку, напоминая топот жирных марширующих ног. А вот жилец во втором этаже отсутствовал.

— Пойдемте, — сказала Мадам Снеж Баламиру, — входите. Тепла комната вообще-то не дает, но долой ваше пальто. Вы дома. — Баламир знал, что он не дома. Глянул на столик с рядами игральных карт и на единственное позолоченное кресло, посмотрел на красочные фигуры, где Мадам Снеж играла одна. Он тщательно оглядел дворцовую залу и подивился дубовым завиткам над дверью с занавесом и высоте паучьего черного потолка. — Сядьте, — произнесла Мадам Снеж, боясь дотронуться до его руки, — садитесь, пожалуйста. — Но он не стал. Он